

*Посвящается Меган,
которая любит Чарльстон
так же, как и я*

Глава 1

От мертвых не спрятаться. На узком полуострове, на котором стоит Чарльстон, мы невольно окружены ими, плотно занявшими места на старых кладбищах за причудливыми железными оградами. Под нашими улицами. Под нашими домами и гаражами. Земля здесь в цене, и со временем живые и мертвые неизбежно начинают конкурировать за нее. Большинство жителей Священного города пребывают в блаженном неведении о своих бывших согражданах, которые ушли из жизни, чьи имена мы носим, в чьих домах живем и чье присутствие все еще ощущается. Другим, вроде меня, повезло меньше.

Это одна из причин, почему я всегда так чутко сплю. Еще до того, как я стала владелицей алчного, пылесосом высасывающего из меня деньги исторического дома на Трэдд-стрит, а затем — матерью близнецов, я всегда спала, полузакрыв глаза, ожидая, что мне на плечо ляжет чья-то холодная рука или у окна мелькнет чья-то тень. За эти годы я научилась не обращать на них внимания, притворяться, будто чувствую лишь сквозняк, вижу лишь игру света, когда утро прогоняет ночь. Но у притворства есть одно «но». Оно не заставит их уйти.

Вот почему, когда пронзительный телефонный звонок вынудил меня полностью проснуться, я уже потянулась к тумбочке, чтобы ответить, и лишь потом вспомнила, что в нашей спальне домашнего телефона больше нет. Сев в постели, я уставилась на тумбочку, где лежал мой сотовый. Его экран осветился странным синим светом, а рингтон — не моя привычная аббовская «Мама Миа», а звонок давно отжившего свой век стационарного аппарата.

Торопливо нащупав телефон, пока он не разбудил других спящих, я провела большим пальцем по экрану и ответила:

— Алло?

В моем ухе, словно камешек, брошенный в глубокий колодец, эхом отозвался далекий глухой звук.

— Алло? — повторила я. — Бабушка, это ты?

Бабушка умерла давно, когда я была еще маленькой девочкой, но с тех пор она звонила мне не раз. Однако сейчас я знала: это не она. Когда звонила бабушка, у меня всегда возникало приятное чувство покоя и благополучия. Любви и защищенности, а не ощущение того, что по моей голове ползают невидимые насекомые. И где-то в этом глубоком темном пространстве на другом конце провода слышался скрежет, как будто кто-то вытаскивал гвозди и пытался что-то взломать, а потом прозвучала металлическая нота, почти поддающаяся расшифровке, вибрировавшая в пустом воздухе.

Я отодвинула телефон от уха и нажала на иконку «Завершить разговор», заметив при этом местный код 843, хотя сам номер был незнакомым. Положив телефон обратно на тумбочку, я посмотрела на видеомонитор — на его экране, в детской дальше по коридору, мирно посапывали мои десятимесячные близнецы — и повернулась к Джеку. Меня встретили мокрый нос и большие

глаза моего пса, Генерала Ли. Я унаследовала его вместе с домработницей и экономкой, миссис Хулихан.

Несмотря на мои возражения, что я, мол, не люблю собак, теперь я оказалась владелицей трех. Даже будучи далеко не в юном возрасте, Генерал Ли доказал свою мужественность, став отцом щенков, двое из которых в прошлом году были подарены нам на свадьбу. С появлением мужа, двух детей и падчерицы я больше не воспринимала свою жизнь как собственную и не раз бывала вынуждена ущипнуть себя, чтобы поверить в то, что это правда.

Вот почему телефонный звонок всполошил меня больше, чем следовало. Неумные мертвецы не напоминали о себе почти год. Это было блаженное время: я начала осваиваться в жизни как новоиспеченная жена и мать, не отвлекаясь на призраков, которые зачем-то нуждались во мне. Я даже начала надеяться, что мертвые обо мне забыли.

Генерал Ли улегся на подушку выше моей головы, не мешая мне видеть в мягком свете монитора лицо Джека. Я до сих пор отказывалась поверить, что он — мой муж. Что невыносимый, самоуверенный, чрезмерно обаятельный и неотразимый автор бестселлеров Джек Тренхольм — мой муж и отец моих детей. Он все еще был невыносим и самоуверен, особенно когда дело касалось меня, но это лишь добавляло ему привлекательности.

— Доброе утро, красавица, — невнятно пробормотал он сонным голосом. Он притянул меня к себе, и я растворилась в тепле его тела. Его губы нашли мою шею, и остальные части моей кожи как будто выстроились в очередь на его внимание. — Кто там звонил по телефону?

— М-м-м? — ответила я, забыв, что означает слово «телефон».

— Телефон. Он звонил. Это было что-то важное?

— М-м-м, — повторила я. Звук исходил из глубины моего горла. Я уже начала поворачиваться в объятиях мужа, мои руки скользнули по его груди, и телефонный звонок был давно забыт.

— Потому что я подумал, что это твой босс. Хочет узнать, не придешь ли ты сегодня на работу. До декретного отпуска ты по понедельникам всегда приходила на работу к семи.

Я тотчас широко открыла глаза. Джек как будто вылил мне на голову ушат ледяной воды. Я резко села в постели, за что удостоилась от Генерала Ли обиженного стопа, и снова взяла телефон. Пять минут восьмого. Я посмотрела на другой край комнаты, где я на тот случай, если ночью вырубится электричество и батарея моего телефона разрядится, установила три разных будильника, все, как один, старомодные, заводные.

Я так долго смотрела на них, что Джек вздохнул.

— Тебе следует держать под рукой очки. Я видел, что ты их носишь, причем довольно часто, так что это не станет для меня шоком. — Он сел, чтобы лучше разглядеть время. — Странно. Похоже, все будильники остановились в десять минут пятого.

Не обратив внимания на его слова, я вскочила с кровати. Это был мой первый день возвращения на работу после почти годичного декретного отпуска. Предполагалось, что он продлится только до тех пор, пока детям не исполнится три месяца, но наша неспособность найти няню, которая бы задержалась дольше двух недель, оказалась не только великой загадкой, но и великой проблемой.

Я побежала в ванную и включила душ, затем вернулась к шкафу, где накануне вечером выложила свой наряд — вместе с обувью и аксессуарами. Я скинула

ночную рубашку — обтягивающую, шелковую, которую купил мне Джек и которая не походила на мои старые фланелевые ночнушки с высоким горлом, — аккуратно сложила ее на скамеечке у туалетного столика и заскочила в душ.

Пять минут спустя я чистила зубы, одновременно застегивая блузку, которая упорно не желала застегиваться, и юбку с такой же упрямой застежкой-молнией. Посмотрев на свое отражение в зеркале в полный рост, я была так потрясена увиденным, что не позволила своему пристальному взгляду задержаться надолго. Оставалось лишь надеяться, что все в офисе ослепли и не заметят мою расстегнутую блузку и юбку, похоже, мне придется найти и надеть что-то другое.

Аккуратно сполоснув зубную щетку и поставив ее в стакан — потребовалось всего две попытки, чтобы она встала идеально ровно, — я решительно направилась обратно к шкафу.

— Проклятые химчистки, — пробормотала я, примеряя наряд за нарядом. Я понятия не имела, в какую химчистку миссис Хулихан отвозит мою одежду, но это нужно немедленно прекратить, иначе мне придется вечно носить одежду для беременных. С эластичными швами и из эластичных тканей.

Когда я наконец вошла в спальню, на мне было платье-трапеция, которое мать купила мне примерно на пятом месяце моей беременности. То, что оно обтягивало мою грудь, а его красивый зеленый оттенок превратил цвет моих карих глаз в нечто экзотическое, например в цвет джунглей, было его единственным достоинством. Поджав пальцы ног, я ковыляла на пятнадцатидюймовых шпильках от «Маноло Бланик» и недоумевала, как мои туфли умудрились сжаться вместе с моей одеждой. Может, что-то мистическое посе-

лилось в недавно отреставрированном шкафу, о чем могла знать лишь моя лучшая подруга, доктор Софи Уоллен-Араси, читающая курс о сохранении исторического наследия в Чарльстонском колледже. Именно она руководила его исторически аутентичным воссозданием, а также нескончаемым количеством реконструкций и проектов по сохранению исторического наследия в моем доме на Трэдд-стрит.

Например, недавняя замена крыши, из-за которой я все еще мечтала нанять бульдозер и покончить со всем этим раз и навсегда. Мне никогда не нравились старые дома, в основном из-за беспокойных мертвецов, которые отказывались их покидать. Теперь же, когда у меня появился свой дом, я неохотно признавала, что иногда испытываю к нему нежные чувства. Я частенько ловила себя на том, что разрывалась между желанием обнять редкую каминную полку работы Адамса и случайно бросить в окно нижнего этажа пылающий факел.

Я остановилась у кровати, где Генерал Ли теперь ластился к Джеку. Джек открыл глаза, прекрасные голубые глаза, которые унаследовали оба наши близнеца так же, как и его черные волосы и ямочки на щеках, — очевидно, я послужила лишь инкубатором, — и мои колени превратились в желе. Интересно, как долго все это будет продолжаться в браке?

Я взяла телефон и проверила время — восемь часов. На мониторе было видно, как Сара завертелась в своей розовой кроватке с балдахинном. Минута в минуту. Моя дочь показывала время даже надежнее, чем колокола церкви Святого Михаила, особенно когда дело касалось ее графика кормления. Ее брат, Джей-Джей — Джек-младший — продолжал мирно спать в своей кроватке, лежа на спине и раскинув все четыре конечности. Ни дать ни взять маленькая морская звез-

да. В какой бы позе он ни засыпал, в конечном итоге он всегда принимал именно эту. Совсем как его отец.

— Я вижу, — сказал Джек и потянулся, чтобы поцеловать меня. Его губы коснулись моих, и я пожалела о своем решении встать с постели.

— Я знаю. Просто... я была с ними с тех пор, как они родились.

— Я тоже. Тебе не о чем беспокоиться.

Я закусила губу.

— У меня есть их графики, в детской и в кухне. Не забудь зафиксировать все их испражнения, включая консистенцию, цвет и запах, а также то, что они ели и в каком количестве. Я разложила в детской одежду для них, включая запасную на случай, если что-то испачкается. Если им понадобится третья смена одежды, их вешалки имеют цветовую маркировку, поэтому сочетать штанишки и кофточки будет очень легко.

Джек пристально посмотрел на меня.

— Дорогая, пойми правильно, но не кажется ли тебе, что няни не задерживаются у нас потому, что все... чересчур жестко регулируется?

Я выпрямилась.

— Конечно, нет. Детям только на пользу, когда все делается по расписанию и они растут в организованной среде. И моя вина в том, что, похоже, я знаю о воспитании детей больше, чем некоторые из этих так называемых нянь. Мы попробуем новое агентство с более строгими требованиями. Мне просто нужно спрашивать, потому что я уже использовала все варианты, которые нам порекомендовали.

— Боюсь, тебе придется обратиться в другой штат. — Уголок его губ приподнялся, и на мгновение мне показалось, что он шутит.

— Хорошая идея. Сделаю несколько звонков сегодня днем.

Сара всерьез раскапризничалась, а вот Джей-Джей даже не шелохнулся. Джек уже встал с постели и босиком направился к двери.

— Знаю, это сложно, но тебе, наверное, не стоит заходить к ним... это может расстроить тебя больше, чем их. Ты увидишь их, когда вернешься домой, а в обеденный перерыв мы поговорим с тобой по скайпу. Все будет в порядке. Я работаю над исправлениями, которые мой редактор хотел бы видеть в моей книге, так что легко могу вносить правку, наблюдая за двумя маленькими детьми. Не думаю, что это будет так сложно.

Настала моя очередь в упор посмотреть на него.

— Моя мать просила позвонить ей, если тебе что-нибудь понадобится. Я тоже на расстоянии телефонного звонка. Софи готова помочь, если у тебя возникнут проблемы, но, если честно, я бы использовала ее как последнее средство. В прошлый раз, когда я ей звонила, она упомянула про детский массаж под пение китов.

Я непроизвольно передернулась.

Джек вернулся и поцеловал меня долгим, глубоким поцелуем, после которого мне даже не пришлось в голову поправить помаду.

— Мы будем в порядке. Теперь иди.

Его твердая рука направила меня к лестнице, а сам он, легонько шлепнув меня по мягкому месту, зашагал в детскую.

— А я приготовлю для тебя сюрприз, когда ты вернешься домой.

Его глаза определенно обещали это, и мне потребовался весь запас выдержки, чтобы продолжить спуск по лестнице. Я была на полпути вниз, когда дверь спальни Ноулы открылась, из нее, держа в каждой руке по щенку, — кстати, их зовут Порги

и Бесс, — высунулась Нола и помахала мне их передними лапами.

— Пока, мамочка. Удачного первого дня на работе. Принеси нам чего-нибудь вкусенького.

Нола, дочь Джека, которая переехала к отцу после смерти матери несколько лет назад и чье появление внесло коррективы в привычный ход вещей, была одним из самых неожиданных подарков в моей жизни — никогда не думала, что скажу такое о каком-то подростке. Бойкая на язык, умная, талантливая, пишущая песни, сейчас она второкурсница в Эшли Холл и стала для меня дочерью в той же степени, что и для Джека. Как и все его дети, Нола — его точная копия, вплоть до ямочки на подбородке. Я давно пришла к выводу: гены Джека просто хулиганы в департаменте зачатия. Нола — веган (большую часть времени) и мой самозванный гуру в области питания. Она так и норовит добавить в список покупок миссис Хулихан вместо шпината со сливками и жареной бамии тофу и киноа, но я все равно люблю ее.

— Спасибо, Нола. Удачи тебе с контрольной по французскому. Мама Олстон сегодня утром и после обеда развозит учениц, так что можете использовать время на просмотр ваших шпаргалок.

— Да, Мелани, — ответила она, закатывая глаза.

Услышав на кухне миссис Хулихан, я на цыпочках прокралась к входной двери, чтобы не нарваться на нее. Софи обнаружила в деревянной раме одного из кухонных окон гниль и велела ее снять, чтобы отреставрировать и установить заново. Это было шесть недель назад, что побудило меня предложить менять все окна на новые, виниловые. Ведь это лишь вопрос времени, когда остальные станут трухлявыми и начнут пропускать влагу. Софи, сама молодая мать, схва-

тилась за сердце и вынуждена была сесть, глядя на меня так, будто я только что пнула щенка. Я взяла свои слова обратно. Но я устала постоянно выслушивать жалобы миссис Хулихан на то, что с заколоченным окном на кухне темно и она отказывается работать в таких условиях.

Я натянула пальто, открыла входную дверь и тихонько закрыла ее за собой. И замерла при виде припаркованного у тротуара фургона с нарисованным на боку логотипом «Хард Рок Фаундейшенз», позади которого стояла машина моего отца. Отец, с которым я недавно помирилась, задался целью восстановить сад Лутрела Бриггса до его бывшего великолепия. Он проделал такую хорошую работу, что и заключение его второго брака с моей матерью, и моя собственная свадьба состоялись под древним дубом в саду за домом, в окружении чайных роз и оливок.

Но это не объясняло, почему отец и Рич Кобилт, мой сантехник, специалист по ремонту фундамента, главный разнорабочий и даже бывший советчик, приехали в такую рань. Я вспомнила свой разговор с отцом накануне вечером. Он поинтересовался у меня, во сколько я планирую уйти на работу. Как будто он тайно запланировал вместе с Ричем Кобилтом нечто такое, о чем мне лучше не знать.

Наверное, потому, что присутствие Рича меня напрягало. Не из-за его любви к низко сидящим брюкам, из которых вечно выглядывал верх его ягодичек, и даже не из-за шелеста долларовых купюр и звяканья кассового аппарата, которые я обычно слышала, как только он появлялся на моем пороге. Его присутствие напрягало меня, потому что Рич обладал сверхъестественной способностью обнаруживать вещи, с которыми я предпочла бы не иметь дела. Вроде тре-

щин в фундаменте и осыпающихся кирпичей дымохода. И закопанных скелетов.

Я с тоской посмотрела на каретный двор, где рядом с минивэном Джека был припаркован мой «Вольво»-универсал, желая лишь одного: притвориться, будто я понятия не имею, что у меня посетители, и отправиться на работу, как и намеревалась. Но теперь я стала взрослой. Я — жена и мать троих детей. Мне положено быть храброй.

Мысленно опоясав чресла, я направилась по недавно вымощенной дорожке в задний сад, мимо свисающих с дуба безмолвных качелей и недавно избавленного от двух скелетов фонтана, журчащего в холодном зимнем воздухе. Дойдя до дальнего угла дома, я остановилась. Должно быть, я издала какой-то звук, потому что и отец, и Рич повернулись и посмотрели на меня.

Они стояли в саду за домом, где вот уже почти столетие цвели знаменитые розы Луизы. Но там, где когда-то были розовые кусты, теперь на земле осталось лишь глубокое круглое углубление.

Отец шагнул ко мне, словно пытаюсь закрыть мне обзор.

— Дорогая моя, я думал, ты будешь на работе.

Я нахмурилась и переключила внимание на Рича, но, увидев, что он сидит на корточках на краю ямы, спиной ко мне, была вынуждена тотчас отвести взгляд.

— Что случилось?

К счастью, Рич встал.

— Доброе утро, мисс Миддлтон, в смысле, миссис Тренхольм. — Его щеки вспыхнули. — Я думаю, что из-за недавних дождей эта часть двора просела. Похоже, что внизу есть какая-то структура. — Он присел на корточки, чтобы внимательнее рассмотреть

трещину, и я вновь отвернулась. Некоторые вещи невозможно не заметить.

— Структура? — Я ждала, что он скажет слово «кладбище». В конце концов, я видела полтергейст. Можно подумать, в Чарльстоне ничего подобного не случилось. Раньше. В ходе недавнего строительства нового концертного зала «Гайяр» были обнаружены несколько могил колониальной эпохи.

— Я уверен, что это ничего особенного, дорогая, — сказал отец, делая еще один шаг ко мне. Я совершила ошибку, встретившись с ним взглядом, и поняла: он тоже думает об анонимном письме, которое было отправлено в нашу местную газету «Пост энд курьер», где вскоре после рождения близнецов его напечатала бесстрашная репортерша и штатная колумнистка Сьюзи Дорф. Что-то про другие тела, которые еще найдутся рядом с моим домом.

До сих пор я даже не осознавала, что жила, затаив дыхание, ожидая, когда этот момент настанет, ведь, хотя я и утверждала, что покончила с духами и мертвыми, я точно знала: они никогда не оставят меня в покое.

Обойдя обоих мужчин, я встала возле глубокой ямы, похожей на пуп в моем саду. Сквозь влажную землю и поломанные розовые кусты виднелись старые кирпичи. Мой телефон зазвонил снова, старомодным рингтоном, какого в нем не было. Я отклонила вызов и выключила телефон, зная, что если отвечу на звонок, то услышу лишь тишину. Неким образом эта яма в моем саду и телефонный звонок были взаимосвязаны. И часы в моей спальне, которые все остановились одновременно. Я пока не знала как, но подозревала: в конце концов я это выясню, хочется мне этого или нет. По словам Джека, совпадений не бывает. И когда мой телефон зазвонил снова, у меня возникло ужасное чувство, что он прав.

Глава 2

Несмотря на холодный январский воздух и туфли, которые казались тисками, я решила пройти несколько коротких кварталов до «Бюро недвижимости Гендерсона» на Брод-стрит. Я надеялась, что ярко-синее небо и солнце, которое отважно светило, несмотря на зимнюю температуру, помогут прояснить мою голову. К тому времени, когда я дошла до старой доброй «Пекарни Рут», моя голова уже была свободна от мыслей, но лишь потому, что ноги злобно орала на меня, не давая ясно думать. Я удивленно улыбнулась Рут, когда та, как и в старые добрые времена, подвинула через прилавок пакет и пластиковый стаканчик с кофе.

— Как вы узнали, что я сегодня возвращаюсь на работу?

Хозяйка пекарни улыбнулась и сверкнула золотым зубом.

— Мне только что позвонила эта милая девушка, Нола. Она такая добрая и заботливая, правда? — Рут похлопала по пакету, и мое сердце испуганно сжалось.

— Нола? — спросила я, с ужасом глядя на пакет и зная, что в нем нет моих любимых пончиков в шоколаде с кремовой начинкой. — Что в пакете? Грязь и картон или трава и древесный мох? — Не скажу, что я шутила. Во время моей беременности и Нола, и Софи изо всех сил пытались саботировать мой выбор еды лишь потому, что мои лодыжки слегка отекали. И Рут была добровольной участницей их уловок.

Она запрокинула голову и рассмеялась, ее темные глаза сияли, как будто я только что отпустила забавную остроту.

— Нет, мэм. Это мой новый шпинат и козий сыр в лепешке из нутовой муки. Ваша подруга Софи дала мне рецепт, и я пообещала, что попробую. Сама я это не ем, но я решила, что хозяйка заведения должна делать все для клиентов, заботящихся о своем здоровье.

— Я не из их числа, — ответила я. — Я из тех, для кого на первом месте вкус. Не забывайте о нас. — Я указала на стаканчик. — В нем хотя бы много взбитых сливок и сахара?

Рут поморщилась.

— В зеленом чае? Нет. Просто полезный чай. Все еще горячий.

— Мне очень жаль, что вы взяли на себя эти хлопоты, но я хотела бы как обычно, пожалуйста. — Я с надеждой посмотрела на нее.

Вместо того чтобы забрать пакет и стаканчик, она скользнула взглядом по моему платью для беременных.

— Вы уверены?

Я выставила лодыжку, вернувшую себе былое изящество.

— Видите? Никаких опухших лодыжек! Теперь я могу есть то, что мне нравится.

Тем не менее Рут не двинулась с места. Я бросила взгляд на часы за ее спиной. Времени на споры не было. Схватив пакет и стаканчик, я протянула через прилавок несколько купюр.

— Ладно. Но завтра я хочу вернуться к нашему обычному меню. Не вынуждайте меня делать покупки в «Глазированных пончиках» на Кинг-стрит. Это не по пути, но мне по утрам нужны пончики, и я не отвечаю за себя, если меня их лишат.

Улыбка Рут померкла, и я поняла, что мой голос повысился на октаву. Не сводя с меня взгляда, она схватила единственный пакетик сахара и положила его на мой стаканчик.

— Похоже, у кого-то ломка. Завтра попробуем половину пакетика.

Я прищурилась.

— Это мы еще посмотрим.

Я направилась к двери.

— И захватите ваших милых младенцев, слышите? Они уже наверняка большие. С таким отцом, как мистер Тренхольм, я даже не представляю, какие они красивые.

Я разрывалась между материнской гордостью за своих детей и обидой по поводу того, что все как будто сговорились игнорировать тот факт, что я не только вынашивала их в течение девяти месяцев, но и родила.

Я попятилась и вышла за дверь.

— Ну что ж. Думаю, мы сможем заключить соглашение.

Рут выгнула темную бровь. Прежде чем повернуться и позволить двери закрыться за мной, я сделала то же самое, после чего проковыляла несколько кварталов до своего офиса. К тому времени, когда я открыла дверь в приемную с ее изящной кожаной мебелью и ананасовым мотивом на лампах, произведения искусства и декоративных подушках — все в попытке выглядеть как «старый добрый Чарльстон», — мои покрытые волдырями ноги почти полностью онемели.

— Вам чем-нибудь помочь? — произнес голос из-за стойки регистрации.

Я уставилась на незнакомку. У нее была копна темных вьющихся волос и ярко-зеленые глаза. Она была из тех немолодых женщин, чей возраст не поддавался определению по причине постоянного избегания солнца и дорогостоящего ухода за кожей. На лацкане ее светло-голубого жакета изящно сидела ярко раскрашенная эмалированная булавка в виде стрекозы.

— А где Джойс?

— Она переехала в Шотландию, чтобы полностью посвятить себя вязанию. «Хочу быть поближе к источнику вдохновения», — сказала она. Она около месяца обучала меня, и теперь я работаю одна и учусь, чтобы получить лицензию риелтора. Мое имя — Мэри Томпсон, но все называют меня Джолли.

Она просияла, и я заметила ее сверкающие серьги, составляющие комплект с брошью, — разумеется, без каких-либо мотивов игры в гольф. Я все еще скучала по Нэнси Флаэрти, моей любимой секретарше, которая работала здесь до Джойс, но Нэнси последовала за своей любовью к гольфу и Тайгеру Вудсу и переехала во Флориду.

— Понятно, — сказала я. — Приятно познакомиться. — Нет, я не ожидала фейерверков по поводу своего возвращения, но была бы рада увидеть все знакомое. Тем более учитывая мой низкий уровень сахара. — Я — Мелани Миддлтон, в смысле, Тренхольм. — Я все еще не привыкла так называться. — Я вернулась из декретного отпуска.

Улыбка Джолли сделалась шире.

— О, да. Я все о вас знаю! — Она умолкла, давая мне возможность угадать, что именно она знает. — Раньше вы были здесь продавцом номер один. У нас есть новая таблица передовиков — это больше не классная доска. Как вы думаете, мне сделать табличку с вашим именем? За место номер один идет ожесточенная конкуренция, а вас уже давно не было.

Возможно, всему виной были мои натертые до волдырей ноги, недостаток сахара и кофеина или отсутствие моих близнецов, но я была уверена, что вот-вот расплачусь.

Джолли сочувственно улыбнулась.

— Всегда тяжело возвращаться, — сказала она и просияла. — Думаю, все уже в курсе вашего воз-

вращения. — Она протянула мне три розовых листка с сообщениями. — Они пришли сегодня утром, и кое-кто ждет вас в вашем кабинете.

— Меня?

Джолли кивнула.

— Я с ней незнакома, но она спросила вас по имени. Я ответила ей, что не знаю, когда вы придете... мистер Гендерсон сказал, что вы обычно бываете здесь намного раньше, но она сказала, что не против подождать. — Она повернула блокнот к себе. — Я попросила ее представиться. Она сказала, что ее зовут Джейн Смит — Джейн с буквой Y, — и она переезжает сюда из Алабамы.

— Из Алабамы, — повторила я. Я так давно никому не показывала дома, что теперь искала в мутной голове, что же мне делать дальше. И где эта Алабама. Я очень надеялась, что первая неделя будет спокойной, чтобы снова войти в деловой ритм, но мысль о потенциальном клиенте слегка повысила уровень моего адреналина.

— Да, — сказала Джолли. — И, Мелани? Могу я называть вас Мелани?

— Разумеется.

Вытащив блокнот, к обложке которого был приклеен снимок аллигатора, она открыла его, аккуратно взяла карандаш и вычеркнула из очень длинного списка первые два пункта. Я посмотрела на блокнот и вверх тормашками прочла: «Вручить Мелани ее телефонные сообщения. Сообщить ей, что клиент ждет в ее кабинете». Я начала читать третий пункт: «Найти рецепт для...»

Джолли захлопнула блокнот.

— У меня привычка составлять списки. Не обращайтесь на меня внимания, — сказала она с виноватой улыбкой.

Впервые за утро я расслабилась.

— Думаю, мы прекрасно поладим, Джолли. — Я повернула в сторону коридора, который вел к маленьким кабинетам. Думаю, я должна быть благодарна мистеру Гендерсону за то, что он позволил мне сохранить старый кабинет, что было привилегией самых лучших сотрудников. Хотелось надеяться, он не сомневался, что вскоре мое имя вновь займет место на верхней строчке таблицы передовиков, если, конечно, мне дадут табличку с именем.

— Мелани?

Я остановилась и посмотрела на нового администратора.

— Да, Джолли?

— Поскольку нам предстоит работать вместе, вам следует кое-что знать обо мне. — Она умолкла, и ее выкрашенные в синий цвет ногти поиграли с брошью в виде стрекозы. — Я — ясновидящая. По выходным я гадаю на ярмарках и фестивалях, но, поскольку мы теперь коллеги, я сделаю вам скидку, если вы захотите узнать будущее. Просто дайте мне знать.

Мой оптимизм вмиг испарился. Не зная, что ответить, я лишь улыбнулась, кивнула и зашагала в свой офис.

Когда я подошла к двери, Джейн — с буквой Y — стояла ко мне спиной. Зато лицом к серванту, на котором она аккуратно раскладывала мои журналы, следя за тем, чтобы они лежали на одинаковом расстоянии друг от друга, а их края были идеально параллельны краю мебели. Я нахмурилась. Пусть они устарели, учитывая, что меня здесь долгое время не было, но я всегда держала их в порядке, расставляла по датам выпуска, чтобы название каждого номера было четко видно. И я оставила строгие инструкции, что их нельзя трогать в мое отсутствие. Меня раздражало то, что

она возится с моими журналами, и я задалась вопросом, не нервничает ли она.

— Доброе утро, — сказала я, положив пакет из пекарни и розовые листки на стол.

Женщина с улыбкой обернулась и протянула мне руку.

— Привет, — сказала она, крепко пожимая мою ладонь. — Я — Джейн Смит.

Ее акцент был определенно южным, но не чарльстонским. Ее рука казалась костлявой, с очень тонким запястьем. Остальную часть ее тела я разглядела, когда отступила. Хотя на верхней губе были отчетливо видны крошки сахарной пудры, Джейн выглядела жутко исхудавшей, как говорится, кожа да кости.

— Мелани Тренхольм, — представилась я, пытаясь не обращать внимания на крошки и гадая, как ей на это намекнуть, не ставя, однако, в неловкое положение. Опустив руку, я украдкой провела указательным пальцем по собственной губе. Зеленые глаза Джейн расширились от понимания. Она полезла в сумочку и, вынув несколько конфетных оберток, нашла салфетку и вытерла рот.

— Думаю, это наказание за то, что я поддаюсь искушению, — пояснила она. — На этой улице есть чудесная пекарня... кажется, «Пекарня Рут». Я с тротуара почувствовала запах пончиков. Каюсь, я страшная сластена.

Моя улыбка дрогнула. Я подумала о моей бывшей любимой пекарне и представила восхитительный аромат свежих пончиков. Чувствуя себя обиженной, я потянулась за бумажным пакетом Рут и швырнула его в мусорную корзину. Меня так и подмывало попросить Джейн выбросить туда же ее фантики от конфет, чтобы позже самой зарыться в них носом.

Я жестом предложила Джейн сесть перед моим столом, а сама села напротив нее. Я подумала, что она моложе меня, ей чуть за тридцать. Светлые волосы, явно окрашенные, но темные брови. Она была классическая американская красавица, с длинными ногами и широкой улыбкой. Несмотря на неудобу, у Джейн была такая грудь, о которой я всегда мечтала, но которая появлялась у меня только тогда, когда я была беременна и кормила грудью. Или носила бюстгальтер с мягкой подкладкой. Моя грудь все еще была больше, чем раньше, но с тех пор, как родились дети, она неким образом сумела переместиться в новое положение на моей грудной клетке.

— Извините, что я без записи. Я могу перенести свой визит, если у вас назначены другие встречи, — сказала Джейн.

Я сделала вид, что проверяю свои календари, но остановилась. Было в ее улыбке нечто странно знакомое, и меня поразило, как утренний свет, падавший в окна офиса, придавал ее глазам бледно-зеленый цвет.

— Мы раньше встречались? — спросила я.

Джейн покачала головой.

— Думаю, нет. Я никогда раньше не бывала в Чарльстоне. Если честно, я вообще ни разу не бывала дальше Бирмингема. — Джейн снова улыбнулась, но свет в ее глазах слегка потускнел. — Наверно, у меня такое лицо, оно похоже на лица многих других людей.

— Пожалуй, — согласилась я.

Звук соскальзывающих с комода журналов, их шлепки, когда они один за другим начали падать на пол, заставили нас обеих подскочить со стульев. Джейн бросилась поднимать их, после чего сложила так же аккуратно, как и до падения.

— Должно быть, я поставила их слишком близко к краю.

— Ничего страшного.

Вообще-то, они не лежали близко к краю. Они были в пяти дюймах от него и никак не могли соскользнуть. Я нахмурилась. В комнате был кто-то еще, кого я не могла видеть и едва могла чувствовать. Ни тени, ни мерцания света. Я могла точно сказать: кто бы это ни был, он хотел, чтобы я его увидела, но что-то мне мешало. Мое шестое чувство как будто задержали занавесом, оставив мне обычные пять, которыми обладали все остальные люди.

Я резко села, сбитая с толку и раздраженная. Я бы предпочла быть хозяйкой унаследованных мною способностей или странностей, в зависимости от того, как я воспринимала этот «дар» в тот или иной момент времени, но что-то, чего я не могла понять, блокировало меня. Я вспомнила, как во время беременности моя способность видеть мертвых людей исчезла и как я поймала себя на том, что мне ее странным образом не хватало. Я невольно задалась вопросом, не имело ли материнство такой же эффект? Возможно, именно поэтому призраки меня так долго не беспокоили. Может быть.

Джейн вернулась на свое место и улыбнулась, но выражение ее лица было иным. Как картина, когда художнику оставалось еще несколько мазков для завершения.

— Я ищу риелтора. И, когда я сегодня утром проходила мимо агентства, я поняла, что просто должна заглянуть сюда. Я увидела ваше фото в окне, и вы выглядели... — Она умолкла, не уверенная, захочу ли я услышать то, что она хотела сказать.

Я крайне нефотогенична, чему доказательство — фото на моих водительских правах. Я представила

себе этот снимок, пришпиленный к доске объявлений в комнате отдыха работников департамента транспортных средств — пример их лучшей работы.

— ...как человек, к которому можно обратиться, — закончила Джейн. — Как будто вы понимали, что мне нужно.

Польщенная, я с облечением вытаскала блокнот и карандаш и посмотрела на нее.

— Итак, чем я могу вам помочь?

— Мне нужно продать дом. И купить новый.

— Я работаю только в Чарльстоне. Итак, если у вас есть дом на продажу в Бирмингеме...

Она покачала головой.

— Я унаследовала дом здесь, в Чарльстоне. Это старый дом... я проходила мимо него несколько раз. Я хочу продать его и купить новый.

Я откинулась назад, не совсем понимая.

— Вы были в доме?

— Нет. Мне это не нужно. Понимаете, я не люблю старые дома, поэтому мне незачем заходить внутрь.

Я уставилась на нее.

— Вам не нравятся старые дома?

— Мне не хочется жить... в музее. Хочу чего-нибудь свежего и нового. Много металла, стекла и камня.

— Понятно, — сказал я, делая записи. Мне действительно было понятно. Я сказала те же самые слова, когда унаследовала свой дом на Трэдд-стрит, и с тех пор повторяла их не раз. Например, сегодня утром, когда я повернулась спиной к своему изуродованному саду и направилась к машине. — Где расположен ваш дом?

— На Саут-Бэттери-стрит. Прямо на углу с Легар-стрит... большой белый дом с портиком и колоннами.

Я на миг задумалась.

— Старый дом Пинкни? — Я, конечно, его знала. Я была лично знакома практически с каждым старым домом в Чарльстоне либо в силу семейных связей, либо благодаря работе риелтором, специализирующимся на исторической недвижимости. — Я знала Баттон Пинкни. Прекрасная женщина. Она ваша близкая родственница?

Джейн смущенно посмотрела на свои руки.

— Вообще-то, я никогда с ней не встречалась. И до сих пор не знала, что у Кэролайн Пинкни было прозвище. Три недели назад, когда ее адвокаты связались со мной, чтобы сообщить, что я унаследовала ее имущество, я даже не знала о ее существовании.

Дежавю. Я тотчас вспомнила, как сама сидела в офисе адвоката недалеко отсюда и адвокат объяснял мне, что Невин Вандерхорст, человек, которого я видела лишь однажды, оставил мне свой полуразрушенный дом на Трэдд-стрит, совершенно мне не нужный.

Я с такой силой сжала карандаш, что была вынуждена положить его на блокнот, и заставила себя улыбнуться.

— Мисс Пинкни была знакомой моей матери и моей свекрови. Они вместе ходили в школу Эшли Холл. — Я на мгновение задумалась. — Насколько я помню, Баттон никогда не была замужем и не имела детей. Кажется, несколько лет назад умер ее старший брат. Если не ошибаюсь, у него тоже не было детей, хотя я почти уверена, что когда-то он был женат. — Я также помнила, что в их семье произошла какая-то трагедия, но вспомнить подробности не смогла.

Джейн вздохнула.

— Да. Вы не представляете, как я удивилась, узнав, что я унаследовала старый дом от совершенно незнакомого человека.

— Хотите — верьте, хотите — нет, но я представляю. — Я поспешно закрыла рот, не желая делиться личными чувствами к старым домам, чьи стены, казалось, постоянно шептались. — Возможно, ваша мать, отец или другой член семьи захотят посмотреть дом, прежде чем вы примете какое-либо решение. Наверняка они догадаются, почему мисс Пинкни завещала вам этот дом.

Джейн замерла.

— У меня никого нет. — Она медленно подняла на меня глаза. — У меня нет родных. Я выросла в приемной семье, и меня так и не удочерили.

— Извините, — сказала я.

Колебание воздуха позади нее заставило комнату мерцать, как при изменении атмосферного давления перед грозой. Я присмотрелась, пытаюсь разглядеть, что это было, но ничего не увидела. Однако я точно знала: что бы это ни было, оно наблюдало за нами. Подслушивало. Желало быть увиденным, хотя и было лишено возможности показать себя. Я встретилась с Джейн взглядом. Она смотрела на меня не мигая, и мне вновь показалось, что мы встречались раньше.

— Я больше не переживаю по этому поводу, — продолжила она. — Это было давно. Возможно, это наследство — просто воздаяние за неприкаянное детство, и я не должна терзаться вопросами.

Она ослепительно улыбнулась, и я почти поверила ей.

— Адвокат дал понять, почему мисс Пинкни выбрала именно вас?

— Я поинтересовалась, но он сказал, что она не делилась какими-либо подробностями или дополнительной информацией, хотя он неоднократно ее спрашивал, ожидая, что у меня наверняка возникнут

вопросы. По его словам, он провел небольшое самостоятельное расследование, но так и не смог ничего обнаружить.

Было в этой женщине что-то такое, что мне нравилось, отчего мне захотелось помочь ей. Может, потому, что я хорошо помнила то время в своей жизни, когда я ощущала себя брошенной сиротой, одиноко бредущей по жизни.

— Мой муж — писатель. Он пишет книги об этой части штата и знает в Чарльстоне всех, живых или мертвых. У него настоящий талант находить, так сказать, неперевернутые камни. Если хотите, я попрошу его помочь.

— Спасибо, я подумаю, — ответила Джейн. — Не знаю, насколько это красиво — копаться в прошлом. Не будет ли это сродни тому, чтобы смотреть в зубы дареному коню?

Я кивнула, понимая ее положение лучше, чем она могла себе представить.

— И вы уверены, что хотите его продать?

— Абсолютно. Мне совсем не нравятся старые дома. Они все... неприятно пахнут. Гнилью, плесенью, пылью. Вот почему я хочу выручить деньги от продажи дома и найти что-то посовременнее и посвежее. Желательно, построенное в течение последних пяти лет.

Я кивнула, вспомнив свою старую квартиру в Маунт-Плезант, с ее простыми белыми стенами и блестящими, хромированными и стеклянными поверхностями, где я жила, пока на меня не свалилось неожиданное наследство, и о которой до сих пор время от времени вспоминаю с нежностью. Обычно сразу после выписки очередного чека Ричу Кобилту за ремонт.

— Ну хорошо. Но нам придется посетить дом, чтобы произвести его оценку. Чтобы увидеть, в каком он состоянии, требует ли он ремонта перед вы-

пуском на рынок. К сожалению, большинство из них требуют. — Я подумала о мистере Вандерхорсте и его грустной улыбке. — Это как кусок истории, который можно подержать в руках. — Я с оптимизмом улыбнулась Джейн. — Моя хорошая подруга — доктор Софи Уоллен-Араси, она преподает курс сохранения исторического наследия в Чарльстонском колледже. Думаю, она с радостью придет, чтобы поделиться с нами своим профессиональным мнением.

Я почти услышала, как она сглотнула.

— Вы ведь можете сделать это самостоятельно? Чтобы мне не входить внутрь?

— Это необязательно, — ответила я, пристально глядя на нее. — Но было бы неплохо, если бы вы взглянули сами. Кто знает? Может, вы передумаете продавать. Такое случалось не раз.

— Я не передумую, — быстро сказала она. — Итак, как вы думаете, сколько примерно может стоить дом? Я не гонюсь за большими деньгами. Просто мне нужно знать, сколько я могу потратить на новую квартиру. Я понятия не имею, сколько времени у меня уйдет на поиски работы здесь, поэтому поначалу не смогу рассчитывать на зарплату.

— Честно говоря, прежде чем принять какое-либо решение, я должна взглянуть на дом изнутри. На той же улице есть несколько домов, которые за последние несколько лет были проданы за семизначные суммы, но есть и такие, которые стоили гораздо дешевле, в основном из-за своего состояния. Покупатели получают их за бесценок, но в конечном итоге тратят на их реставрацию в три или четыре раза больше покупной цены. В ваших интересах получить максимально возможную цену, что может означать выполнение некоторых ремонтных работ до того, как дом будет выставлен на продажу.

Она медленно кивнула.

— В любом случае, это начало. И я уже договори-
лась о собеседованиях в нескольких агентствах, чтобы
начать поиск работы. Это долгий процесс, с провер-
кой личных данных и всем прочим, и я действительно
хотела бы продать дом прежде, чем начну работать
полный рабочий день. Но я не могу купить себе но-
вый, пока этот не будет продан.

Я была занята, делая в блокноте пометки, в том
числе и о том, что мне следует поговорить с Джеком
и матерью о Баттон Пинкни и ее семье, а также о ее
связи с Джейн Смит.

— А какая у вас профессия? — рассеянно спро-
сила я.

— Я — сертифицированная няня.

Грифель моего механического карандаша трес-
нул.

— Няня? Для маленьких детей?

Она рассмеялась.

— Разве есть какие-то другие? Да, няня для ма-
леньких детей, да и для детей постарше. Некоторым
людям кажется странным, что кто-то, выросший без
братьев и сестер, решил стать няней, но, по-моему,
я стала ею именно поэтому. Я жила во многих прием-
ных семьях и всегда брала на себя заботу о младших
детях. Думаю, даже тогда я знала: это мой единствен-
ный шанс иметь братьев и сестер... пусть даже на ко-
роткое время.

Я положила карандаш на стол и откинулась на
спинку стула.

— Как вы относитесь к строгому режиму сна
и кормления для младенцев?

— Без него нельзя. Режим невероятно важен для
растущих детей. Им требуется регулярное кормление
и регулярный сон.

- Семейная кровать?
- Плохая идея.
- Бутылочки в кроватке?
- Никогда. От этого портятся зубы.
- А шлепки по попе?
- Стул позора более эффективен.
- Пеленки тканые или одноразовые?
- Одноразовые.
- Уроки французского для младенцев?
- Смешно.
- Конкурсы красоты для грудничков?

Джейн искоса взглянула на меня.

- Шутки в сторону. Вы не похожи на такую мать. Я улыбнулась.

— Я не... это просто проверка. — Я отодвинула стул от стола. — Так получилось, что в данный момент я ищу няню для моих десятимесячных близнецов. Их последняя няня ушла довольно неожиданно, и, если честно, мы в отчаянии. Похоже, мы с вами придерживаемся одинаковых взглядов по многим вопросам воспитания детей. Если вам интересно, я буду рада пригласить вас посмотреть на них, и мы с вами познакомимся ближе. Возможно, если все получится, вы задержитесь у нас надолго.

Она откровенно просияла, а мне стоило немалых трудов, чтобы не пройти по комнате колесом и не стукнуть себя по ладони кулаком.

— Мне определенно интересно, — призналась Джейн.

— Отлично. Конечно, мне нужно будет проверить ваше резюме.

— Без проблем. Я могу предоставить вам всю контактную информацию моего агентства в Бирмингеме, а также рекомендации от последних трех работодателей. Думаю, вы останетесь довольны.

Я вытащила из держателя на столе свою визитку и протянула ее Джейн. Я подождала, что она что-нибудь скажет по поводу нескольких телефонных номеров, но вместо этого она подвинула ко мне через стол свою визитку. Взяв ее, я увидела, что у нее два номера сотовых телефонов. Я посмотрела на Джейн и улыбнулась, чувствуя, что наконец-то встретила родственную душу.

— Никогда не знаешь, когда один из них забарахлит или сядет аккумулятор, — пояснила она.

— Точно. — Моя улыбка сделалась шире. — Как же приятно наконец встретить человека, который думает обо всем заранее. Все остальные, похоже, смотрят вперед не далее чем на минуту.

Джейн тоже встала.

— Можете не рассказывать. Единственный, кто подготовился к сценарию «на всякий случай», жутко раздражает окружающих. — Она протянула через стол руку, и мы обменялись рукопожатием. — Приятно было познакомиться. Я соберу всю информацию о себе и принесу ее сегодня же, чтобы вы могли приступить к проверке моего резюме. И звоните мне в любое время, чтобы назначить встречу с вашими детьми и мужем.

— И пойти посмотреть на дом Пинкни. Я уточню у Софи, когда у нее появится возможность, и дам вам знать.

Ее улыбка потускнела.

— Хорошо. Думаю, чем раньше мы начнем, тем скорее сможем продать его.

Мы попрощались, и я вернулась к своему столу, где заметила розовые листки, которые вручила мне Джолли. Два были сообщениями от моей надоедливой кузины и бывшей девушки Джека, Ребекки, еще один — от журналистки местной газеты Сьюзи Дорф,

проявлявшей ненормальный интерес ко мне и моему дому. Поскольку я скорее воткну в глазное яблоко вязыльную спицу, чем стану разговаривать с кем-то из них, я сложила каждую записку в крошечный квадратик и бросила на дно мусорной корзины. И, лишь сняв трубку, чтобы позвонить Софи, поняла, что призрак исчез, оставив в доказательство того, что этот некто вообще здесь был, лишь свежий запах дождя.

Глава 3

Несмотря на мои разбитые и натертые ноги, я едва не прошла мимо дома. Это был долгий день, и самым ярким его моментом было общение по скайпу с Джеком, пока тот кормил малышей протертым горохом и персиковым пюре. Джек все еще был в футболке и пижамных штанах, но я воздержалась от комментариев. Я уже свыклась с тем, что писатели — люди эксцентричные, и с ними нужно научиться жить. Не надо требовать ряд вещей — например, одеваться по утрам или ежемесячно наводить порядок в ящике с носками и нижним бельем — это лишь некоторые из причуд, к которым я пыталась приспособиться.

Мне не терпелось вернуться домой, расцеловать младенцев и сообщить Джеку, что я не только нашла потенциальную няню, но и приобрела трех новых клиентов помимо Джейн Смит и запланировала до конца недели шесть показов недвижимости. Все они видели рекламу, которую я разместила в последнем номере журнала *Charleston Magazine* и в которую Нола предложила включить фото, на котором были запечатлены

мы с Джеком, все трое детей и все три собаки перед моим домом на Трэдд-стрит. По ее словам, это внушит людям, что я понимаю, когда люди ищут семейное гнездо, и знаю, что исторические дома предназначены для того, чтобы в них жить.

Не думаю, что это правда, но если это поможет мне продавать дома, то пусть так и будет. Во время простоя, когда передо мной маячила перспектива потерять дом, преследуемая злым призраком и тяжелой беременностью, повлекшей за собой месяцы постельного режима, зависнув в неопределенных отношениях с Джеком, я прохлопала две громкие продажи знаменитых чарльстонских домов. Это был особняк в стиле Греческого Возрождения Чизхолм-Олстон, который приобрел известный международный модельер, и старый, полуразрушенный, но все еще великолепный дом в стиле эпохи Возрождения, известный как вилла «Маргарита» на Саут-Бэттери. Узнав, что эти дома проданы, я несколько дней рыдала по поводу того, что не я была посредником в сделках. Во всяком случае, эти страдания означали, что мой боевой дух, который так долго дремал, возродился и с громким криком вновь дал о себе знать.

Что само по себе хорошо, учитывая, что мы были в долгу перед Нолой за те деньги, которые она дала нам на выкуп дома, когда наследники оспорили мое право собственности. Она уже была успешным автором песен, продав две из них поп-исполнителю Джими Гордону, и одна даже звучала в рекламе айфона. Нола охотно дала нам деньги, но ни Джек, ни я не успокоимся, пока не вернем ей их в полном объеме и с процентами. Несмотря на недавние неудачи в карьере, Джек только что подписал со своим новым издателем контракт на выпуск двух книг, но мы еще не восстановились в финансовом отношении. Не гово-

ря уже о том, что у нас был старый дом, чьим излюбленным хобби было высасывание из нас денег.

Подходя к дому, я замедлила шаг. У кромки тротуара был припаркован белый «Приус» Софи, а грузовик Рича Кобилта по-прежнему стоял на том же месте, где я видела его утром. Что не сулило ничего хорошего. Я не сумела днем дозвониться до Софи. Интересно, она нарочно избегала телефонного разговора со мной? Она ошибочно полагала, что люди предпочитают услышать плохие новости при личной встрече. В отличие от меня. Ведь, если никто не видел, как я восприняла дурное известие, можно притвориться, будто его никогда и не было.

Я замерла. Черт, может, вернуться в офис? Увы, внезапно ощутив свои ноги, — вернее, то, что от них осталось, — я поняла, что это исключено. Тяжело вздохнув, я сняла туфли и босиком проковыляла последнюю сотню футов до садовой калитки.

Софи и Рич стояли у ямы в моем дворе, теперь окруженной желтой лентой. Рядом с ними — женщина лет двадцати с небольшим. Заметив меня, Софи обернулась с широкой улыбкой. Ее дочь, на два месяца младше моих близнецов, одарила меня однозубой улыбкой, выглядывая из слинга. У малышки были темные кудрявые волосы, как у матери, большие голубые глаза, как у отца, а поверх носочков на крошечных ножках красовались крошечные «биркенстоки». Если честно, «биркенстоки» хорошо смотрятся только на младенцах.

— Мелани! — с энтузиазмом воскликнула Софи, что сразу вызвало у меня подозрения.

— Рада тебя видеть, Софи. Мне нужно переодеться и проверить детей...

— Не увиливай. С детьми Нола и Джек. — Она посмотрела на туфли в моей руке. — К тому же ты

все равно почти разделась. Кстати, если бы ты носила «биркенстоки», твои ноги не болели бы.

— Но тогда бы я лишилась собственного достоинства.

Когда я подошла, мне в лицо подул холодный ветер, он взъерошил волосы, но я заметила, что только мне. И больше никому. Не обращая на это внимания, я направилась прямо к Софи и ее ребенку. Статус молодой матери сделал меня магнитом для маленьких детей с мягкой кожей и пухлыми пальцами ног, и я нежно погладила мягкую щечку ребенка.

— Как сегодня дела у Блю Скай? — Я больше не съезживалась, произнося это имя, что хорошо, поскольку я видела ее часто. И все же я довольно часто сокращала его до Скай в надежде, что от меня перестанут ожидать произнесение «Блю». Столько богемности мне просто не вынести. — Я пыталась связаться с тобой, — сказала я Софи, изучая яркий платок, который удерживал ее кудри, и ее не менее яркие брюки и футболку. На Софи была парка в радужную полоску, расстегнутая спереди, чтобы вместить ребенка. У ребенка было видно только лицо, вязаная шапочка и носочки под крошечными «биркенстоками», но у меня возникло ужасное ощущение, что на Софи и ее дочери одинаковые наряды.

Софи широко улыбнулась, подтверждая мои худшие подозрения.

— Да, у меня сегодня было всего две лекции, а потом позвонил мистер Кобилт. Похоже, он нашел на твоём заднем дворе что-то интересное.

Я ждала, что кто-нибудь сейчас произнесет слово «мертвец». Мой взгляд скользнул с Софи на Рича, а затем — на молодую женщину, которая продолжала смотреть на меня так, будто хорошо меня знала.

— Познакомься, это моя новая помощница, Меган Блэк, — сказала Софи. — Она аспирантка второго года обучения по программе сохранения исторического наследия. Ее диссертация посвящена именно этим вещам, поэтому я захватила ее с собой, чтобы она взглянула на эту штуку своими глазами.

Я представилась аспирантке. Мой взгляд скользнул по нитке жемчуга на ее шее, по бледно-зеленому кардигану и брюкам цвета хаки, по балеткам от Кейт Спейд на ее ногах. В таком наряде в грязи не копаются. У нее были красивые карие глаза и длинные светло-каштановые волосы, собранные в высокий хвост, а сама она излучала такой же интерес, что и Софи, когда ту окружали старые вещи. «Любопытно, — рассеянно подумала я, — сколько времени пройдет, прежде чем она тоже начнет носить “биркенстоки”, и как к этому отнесется ее мать».

Я снова посмотрела на Софи.

— Что за штука?

— Старая цистерна. Прямо здесь, на твоём заднем дворе! — Она произнесла это так, словно мы только что откопали клад Черной Бороды.

— Цистерна? В смысле, старый водосборник?

— Именно! — Софи просияла, как будто я была ее любимой студенткой. — Эта штука, вероятно, была здесь еще до того, как в 1848 году был построен дом. Возможно, она существовала еще до Войны за независимость, служа цистерной для сбора воды жильцам прежнего здания, стоявшего на этом месте.

При упоминании о том, что на моем заднем дворе найдено нечто даже более старое, чем мой дом, я отрицательно покачала головой, но меня перебила Меган:

— Из того, что мы уже видим, кирпичи все разные и, вероятно, были взяты из других зданий. Например, из хозяйственных построек, которые больше

не использовались, как здесь, так и в других местах. Я даже видела несколько случаев, когда кирпичи брали с кладбищ, если их перемещали, чтобы освободить место для новых улиц и зданий.

При слове «кладбище» я застыла. Это особенность старых кирпичей. Это были не просто песок и глина. Нет, они таили в себе совместные воспоминания и остаточную энергию людей, которые когда-то жили среди них. Эти кирпичи были зарыты на моем заднем дворе более 150 лет назад и теперь, полтора века спустя, вновь предстали солнечному свету. При мысли о том, какие сюрпризы нас еще ждут, я содрогнулась.

— Обещаю, ты даже не почувствуешь, что мы здесь, — сказала Софи, как будто я уже дала согласие превратить мой задний двор в место проведения археологических раскопок. — Меган и несколько других моих аспирантов жаждут заняться раскопками цистерны. Нам интересны не только кирпичи. Обычно на протяжении многих лет в цистерны бросали самые разные вещи, и их находка была бы просто бесценной для таких историков, как мы.

Я в упор посмотрела на подругу, совершенно не понимая ее волнения. Потому что копаться в прошлом обычно означало наткнуться на пару недобрых призраков. Меня не прельщала перспектива увораживаться от падающих светильников или брошенных через всю комнату предметов, особенно теперь, когда в доме двое младенцев.

Я перевела взгляд с нее на Рича.

— Как вы думаете, сколько времени пройдет, прежде чем я получу назад свой сад? В марте я надеялась устроить здесь большую вечеринку в честь первого дня рождения близнецов.

Рич подтянул пояс своих штанов, но, как только он их отпустил, они снова поехали вниз.

— Заполнить яму — не проблема: не больше пары дней, и все вернется в прежнее состояние. Но сначала я должен дождаться, когда доктор Уоллен-Араси закончит свои изыскания. Не хотелось бы лишать ее возможности откопать какую-нибудь ценную находку.

Я уже собралась отдать распоряжение поскорее засыпать эту яму, но промолчала, представив себе Софи и ее студентов, пикетирующих мой дом с требованием позволить им снова раскопать цистерну. Сказать «да» — это путь наименьшего сопротивления неизбежному.

На мою шею вновь налетел ледяной ветер и обвился вокруг моего тела так, будто на мне не было никакого пальто.

— Только побыстрее, хорошо?

Софи кивнула и встретилась со мной взглядом, понимая причины моего сопротивления. Но не настолько, чтобы игнорировать тот факт, что в моем саду закопана настоящая сокровищница давних лет.

— Кстати, я получила твою голосовую почту, — сказала она. — Завтра я должна отвести группу моих студентов в Часовню Отдохновения на Помпиан-Хилл, чтобы они почистили надгробия и отремонтировали склеп, но я могла бы встретиться с тобой в доме Пинкни в четверг утром. Восемь часов тебя устроит?

— Вполне. Я свяжусь со своей клиенткой, а потом с тобой. Она не хочет заходить внутрь, но я думаю, ей стоит зайти. Она не любит старые дома.

И Софи, и Меган посмотрели на меня так, будто я сказала нечто кошунственное.

— Бывает, — сказала я.

Мы попрощались, и Софи ушла с Меган и Скай. Рич остался на месте. Подбоченившись, он смотрел вниз. Сейчас, когда солнце клонилось к закату, дно

ямы казалось почти черным. Я опасалась того, что он мне сейчас скажет. За годы совместной работы я узнала, что у Рича было не только второе зрение, но и некая способность, которую он полностью не осознавал.

— Не хочу вас пугать, миссис Тренхольм. Но что-то здесь не так. Что-то очень даже не так.

— Мне тоже не нравится эта яма в моем саду, — сказала я, пропустив мимо ушей его намек, — но нам придется ее потерпеть. Надеюсь, это продлится недолго.

Я попрощалась и пошла к двери кухни, чувствуя за спиной шаги и зная, что эти шаги не его.

* * *

Накормив близнецов и уложив их на ночь в кроватки, я села в гостиной внизу, пролистывая на своем ноутбуке новые списки выставленной на продажу недвижимости и составляя таблицы для моих новых клиентов. Нола делала уроки, сидя за партой из красного дерева, которую мать Джека, Амелия, нашла в запасах их семейного антикварного магазина на Кингстрит. Джек наконец принимал душ. Он заявил, что, пока он заботился о младенцах, у него не было времени на уход за собой или на творчество. Он выглядел настолько измученным, что я не решилась сказать ему, что, если бы он следовал составленному мной специально для него расписанию и старался быть более организованным, он бы не выглядел так, будто несколько недель блуждал по пустыне.

В камине под каминной полкой работы Адамса — гордость и радость Софи — потрескивал огонь. Камин был прекрасен, но всякий раз, когда я смотрела на него, мои пальцы начинали болеть, как будто

вспоминали, как я вручную скоблила его крошечными кусочками наждачной бумаги, которые мне давала Софи, чтобы удалить с замысловатых завитков около восьмидесяти слоев старой краски. Моя маникюрша чуть было не отказалась приводить мои ногти в порядок, и, не вручи я ей щедрый подарочный сертификат в мой любимый бутик «Привередливая лошадка», я бы до сих пор ходила с окровавленными кульями вместо пальцев.

Я обнаружила, что вновь погружаюсь в то, что подозрительно напоминало домашнее успокоение. Но в воздухе витала тревога, некая энергия, выползавшая из стен, как утренний туман. Ощущение невидимых глаз, следивших за мной. Сомнений не было: оставшиеся мертвецы сумели-таки снова найти меня, и мой новообретенный покой вот-вот закончится.

Напольные часы, в которых когда-то были спрятаны алмазы Конфедерации, гулко проббили восемь раз. В тишине дома их басистый бой почти заглушил то, что я называла вздохами дома. Как будто дом затаил дыхание в ожидании чего-то, что мог видеть только он. Генерал Ли и свернувшиеся пушистыми клубками у ног Нолы щенки подняли на меня головы за миг до того, как раздался стук в дверь.

Неистовство трех собак, с громким лаем рвущихся к двери, сопровождало меня до ниши, где на том же месте, что и предыдущая, висела новая люстра, стоявшая мне комиссионных, полученных за три месяца. Ее предшественница таинственным образом упала и разбилась о мраморный пол, едва не задев меня. Одна из плиток треснула, но я стратегически спрятала ее под коврик, подальше от глаз Софи. Потому что стоит ей это заметить, как она непременно потребует, чтобы я выписала из Италии мастеров по мрамору и заменила весь пол. Тогда я точно была бы вынуж-

дена продать кого-то из детей, чтобы оплатить такое удовольствие. Такое бывает, когда ваша лучшая подруга — страстная любительница старых домов.

Моя мать, Джинетт Приоло Миддлтон, стояла на веранде, закутанная в черную кашемировую накидку, и, хотя ей было за шестьдесят, выглядела она такой же красивой, какой, вероятно, была во время своей короткой, но звездной карьеры оперной дивы. Ее темные волосы блестели в свете уличного фонаря, а вокруг зеленых глаз почти не было видно морщин, выдававших ее возраст. Мама была невысокой, но почему-то никогда не казалась маленькой. Я заметила эту особенность после нашего недавнего примирения и наших недавних сражений с духами, которые упорно отказывались уgomониться. По моей спине пробежала дрожь, не имеющая ничего общего с холодом. Мать никогда не приходила без предупреждения. Если тому не было причины.

— Мама, — сказала я, отступая назад, чтобы впустить ее в дом.

Поцеловав меня в щеку, она, не снимая перчаток, вручила мне свою накидку. Мама всегда носила перчатки, даже летом. Ее дар, по ее словам, заключался в способности видеть невидимые вещи, прикасаясь к предметам. Перчатки защищали ее от ошеломляющих картин и голосов, бомбардирующих ее после случайного контакта, например, с перилами лестницы или дверной ручкой.

— Извини, что я так поздно. Но я возвращалась с собрания библиотечного общества, проходила мимо твоего дома и решила, что это лучше не откладывать до утра.

— Что именно не откладывать до утра? — спросила я. В горле у меня внезапно пересохло.

Мать зябко потерла ладонями предплечья.

— Мы можем пойти куда-нибудь, где теплее? Мне нужно отогреться.

— У меня в гостиной горит камин. — Я шла впереди, а собаки резвились и подпрыгивали, пытаюсь цапнуть высокие каблуки моей матери.

Нола бросилась ей навстречу, чтобы обнять. Между ними была крепкая связь, за что я была благодарна, хотя иногда мне казалось, что у них против меня какой-то сговор. Или же они смеются надо мной. Когда я спросила Джека, замечает ли он это, мой обожаемый супруг сохранил вежливое выражение лица. В конце концов мы согласились, что во всем виноваты послеродовые гормоны — это из-за них я воспринимаю многие вещи в искаженном свете.

— Классные туфли, Джинетт, — восхитилась Нола. — Одолжите их мне на свидание?

Моя мать улыбнулась.

— Конечно, просто попроси в любое время. Мой шкаф к твоим услугам.

Я посмотрела на свои пушистые розовые тапочки и попыталась не обращать внимания на бедные ноги, которые все еще пульсировали от боли, вспоминая о той мучительной пытке, которой они подверглись днем.

— Сколько времени тебе понадобилось после того, как ты родила меня, чтобы твое тело и ноги вернули себе прежнюю стройность?

Они с Нолой переглянулись — я была почти уверена, что это не плод воображения моих гормонов, — после чего моя мать снова повернулась ко мне.

— Не припомню, чтобы меня... разнесло очень сильно. Когда тебе исполнился месяц, я носила свою старую одежду и обувь. Но у тебя родились близнецы, — быстро добавила она. — И ты намного старше, чем была я, а это радикально меняет уравнение.

Моя мать и Нола в унисон кивнули, и у меня вновь возникло смутное ощущение, что им известно нечто такое, чего не знаю я. Нола вернулась к столу и предложила госте сесть в одно из мягких кресел у огня. Я села в другое.

— Хочешь что-нибудь поесть или выпить?

Мать покачала головой.

— Нет, у меня все в порядке. Твой отец ждет меня дома, и я буду краткой. Ты уже говорила со своей кухней Ребеккой?

При упоминании Ребекки Нола простонала. Я вспомнила розовый листок, полученный утром на работе, который я тут же выбросила и забыла.

— Она оставила мне сообщение, но я не перезвонила ей. Был мой первый день на работе. Мне хватило дел и без разговора с Ребеккой. — Я подалась вперед. — Почему ты спрашиваешь?

— После того как она не смогла связаться с тобой, она позвонила мне. — Огонь в камине потрескивал, и мать посмотрела на пламя. — Ей снились сны.

На миг закрыв глаза, я увидела на внутренней стороне век отпечаток желто-оранжевого пламени.

— Сны?

Ребекка, наша очень дальняя родственница, похоже, также унаследовала шестое чувство, с той разницей, что ее экстрасенсорные способности проявлялись во снах. Она не всегда была точна в их толкованиях, но обычно угадывала верно, что не могло не вызывать тревогу.

Не глядя на меня, мать кивнула.

— Она видела юную девушку в белой ночной рубашке, видела, как она бьется о стену. — Мать снова повернулась ко мне, и я увидела отражение огня в ее зеленых глазах.

Я откинулась на спинку кресла и посмотрела на Нолу. Та перестала печатать на своем ноутбуке и даже не притворялась, будто не слушает.

— С чего Ребекка взяла, что это имеет какое-то отношение ко мне? Будь в этих стенах хотя бы что-то, я бы об этом знала.

Мать с легким хрустом потеряла руки, затянутые кожаными перчатками. Если честно, этот звук меня нервировал.

— Потому что девушка звала тебя. И, кстати, это необязательно именно этот дом.

Я мрачно посмотрела на мать.

— Я уже почти год не вижу никаких призраков, поэтому не знаю, кто это может быть. Разве что... — Я умолкла, вспомнив только что раскопанную цистерну и шаги, проследовавшие за мной через сад.

— Что такое? — Мать изящно приподняла бровь.

— Мы обнаружили на заднем дворе цистерну. Но это лишь кирпичи, а не стена. Вряд ли это как-то связано. Может, есть еще одна Мелани?

Моя мать не мигая посмотрела на меня.

— В любом случае тебе следует позвонить Ребекке и поблагодарить ее. Я знаю, что вы не ладите, но она все же родственница.

Нола издала звук, будто ее тошнит, а затем сделала вид, что кашляет.

— Ладно. И раз уж ты здесь, у меня есть хорошие новости. Кажется, я нашла няню. Конечно, сначала она должна получить одобрение у всех в нашем доме, и я хочу попросить детектива Райли проверить ее биографию, но у меня хорошее предчувствие. По крайней мере, мы разделяем одни и те же взгляды на воспитание детей.

— Замечательные новости! Не то чтобы я не готова иногда посидеть с внуками, но будет лучше, если у вас

у всех будет четкий распорядок дня, а за детьми — постоянный присмотр. Боюсь, мы с Амелией — слишком любящие бабушки и склонны баловать внуков.

Я даже не стала возражать: мать была абсолютно права. Кстати, это одна из причин, почему мне требовалась няня.

— Да, ее зовут Джейн Смит, и она сегодня утром зашла ко мне в офис, чтобы попросить меня помочь ей продать дом, который она унаследовала, и взамен купить новый, и так уж случилось, что она дипломированная няня.

— Какая удача для вас обеих.

— Вообще-то, я собиралась позвонить тебе по поводу нее. Она унаследовала дом Баттон Пинкни.

Джинетт замерла со странным выражением лица.

— Баттон была моей подругой. Буквально в прошлом месяце мы с Амелией были на ее похоронах.

— Знаю. И потому хотела тебя спросить, говорила ли она когда-нибудь о Джейн или была ли у Баттон родня? Джейн из Бирмингема и слыхом не слыхивала ни про какую Баттон, пока юристы не нашли ее и не сказали, что та завещала ей свою недвижимость.

Мать вперила взгляд в свои перчатки.

— Своих детей у нее не было. Она так и не вышла замуж. У нее был старший брат — Самтер. Он женился на Анне Чизолм Хейзелл, еще одной нашей однокласснице. Кажется, у них была дочь, но она умерла в раннем детстве. Вскоре после этого Анна и Самтер развелись, но Анна осталась в доме с Баттон. Она умерла десять лет спустя.

— Как печально. А что Самтер? Может, он женился повторно или имел других детей?

После короткой паузы мать сказала:

— Нет. Он всегда хотел сделать карьеру на Уолл-стрит и после развода переехал в Нью-Йорк. Бук-

важно через пару лет после того, как я уехала из Чарльстона, чтобы продолжить свою музыкальную карьеру. — Она виновато посмотрела на меня, как бы признавая, что, уехав из Чарльстона, бросила и меня тоже. — Не знаю, возвращался ли он когда-нибудь в Чарльстон, но Баттон сказала мне, что он умер от сердечного приступа. Ему было всего пятьдесят три. — Мать криво улыбнулась. — Баттон обожала его. Для нее это был удар. Именно тогда она начала привечать бездомных... как животных, так и людей. Она подбирала их на улице и давала им деньги и крышу над головой, и они жили у нее, сколько им заблагорассудится. Думаю, ее щедростью злоупотребляли, но она утверждала, что, помогая другим, чувствует себя счастливой. Наверное, так она нашла и твою Джейн.

— Может быть. Джейн выросла в приемной семье в Бирмингеме. Возможно, кто-то, кто знал Джейн, в какой-то момент связался с Баттон, и в этом и состоит их связь.

— Может быть, — сказала мать, вставая. — Мне пора домой. Джеймс будет ждать.

Ее щеки порозовели. Я старалась не думать о своих родителях, недавно вступивших в повторный брак, как о состоящих в здоровых романтических отношениях, включающих физический контакт, но все-таки подумала, когда она просто упомянула его имя. По идее, мне положено быть в восторге оттого, что после всех этих лет мои родители безумно любят друг друга, но я была их дочерью, и меня иногда слегка подташнивало, если я слишком задумывалась об этом.

Мать пожелала Ноле спокойной ночи, и я проводила ее до двери. Мать на миг остановилась и посмотрела мне в глаза.

— Почему Джейн хочет продать дом?

— Она не любит старые дома.

Мать нахмурилась, сверля меня взглядом.

— Надеюсь, ты ее переубедишь. Баттон вряд ли завещала бы ей дом, если бы не хотела, чтобы она оставила его себе. Баттон была замечательной женщиной. Золотая душа. Мы должны сделать все возможное, чтобы выполнить ее волю. Может, тебе стоит рассказать Джейн то, что тебе сказал мистер Вандерхорст?

— Это кусочек истории, который можно подержать в руках, — мягко повторила я.

— Да. И иногда самые лучшие подарки в жизни бывают неожиданными. Включая старые дома.

Мать надела накидку и открыла дверь, впустив в дом поток холодного воздуха. Затем поцеловала меня в щеку и, надев капюшон, заправила волосы внутрь.

— Я не хочу ей лгать, — сказала я.

— Но разве ты бы солгала ей? Спокойной ночи, Мелли. — Мать улыбнулась и вышла наружу.

Фонари из кованого железа по обе стороны двери за моей спиной внезапно загорелись еще ярче, загудев невидимой энергией. Дважды вспыхнув ослепительной вспышкой, лампочки одна за другой взорвались, оставив меня в полной темноте.

Глава 4

Через два дня, когда я выходила из дома на работу, Джек выглядел немного встревоженным, вопреки его упрямым заверениям в том, что, пока он заканчивает редактирование своей новой книги, ему не в тягость присмотреть за детьми. Тем не менее мне пока-

залось, что в его глазах промелькнула паника, когда я сказала ему, что, возможно, приду домой чуть позже обычного, потому что не знаю, сколько времени займет осмотр дома Пинкни в обществе Софи и Джейн. Такие вещи быстро не делаются, особенно если обнаружатся проблемы с водопроводом, обрушившийся потолок, гнилые полы или беспокойные духи... все это могло испортить мне день.

Несмотря на заверения миссис Хулихан в том, что она по-прежнему относит мои вещи в ту же химчистку, что и раньше, я была вынуждена надеть еще одно платье для беременных, но накануне не выдержала и купила у Боба Эллиса несколько новых пар туфель на каблуках. Я позвонила Софи, чтобы узнать, может ли недавно отремонтированный шкаф выделять пары, которые вызывают усадку кожи. Ответом мне было долгое молчание, как будто Софи не поняла моего вопроса. Тем не менее мои новые туфли были на целый размер больше, и я была приятно удивлена, когда пальцы ног стали двигаться при ходьбе.

Однако я добрела лишь до Брод-стрит, и мои бедные ноги поставили передо мной ультиматум, требуя, чтобы я наняла велорикшу, который бы отвез меня в «Глазированные пончики», магазин и кафе изысканных пончиков на Верхней Кинг-стрит. У меня там была назначена встреча с детективом Томасом Райли. Я хотела обсудить проверку личных данных Джейн Смит. Поскольку Томас — коп, я сочла уместным провести нашу встречу в магазине пончиков. Кроме того, это помогло бы мне избежать неодобрительных взглядов Рут, вручающей мне пакет с пончиками — что она сделала весьма неохотно, когда я накануне захватила с собой близнецов, чтобы она могла их увидеть и вновь напомнить мне, как сильно они похожи на Джека. Когда я же наконец открыла пакет на своем

рабочем столе, то с ужасом обнаружила, что внутри только один пончик, а к нему в придачу куча каких-то веганских лепешек. Да и сам пончик выглядел так, будто был приготовлен из одной пшеничной муки. Это было все равно что есть белый шоколад или ванильное печенье «Орео», — то есть совершенно бессмысленно, — и я, пару раз укусив, выбросила его в мусорную корзину.

Томас сидел за одним из маленьких столиков напротив стойки. Меня уже ждали две чашки кофе и пакет в бело-розовую полоску. Томас встал, когда я вошла, и тепло обнял меня в знак приветствия.

— Давненько мы не виделись! — сказал он, помогая мне снять пальто и придвигая стул. Я вновь оценила мужчин-чарльстонцев.

Томас пододвинул ко мне кофе.

— Много сливок и сахара — и, поскольку я приехал рано, я взял на себя смелость заказать нам пончики. Здесь глаза разбегаются, поэтому я взял два фиолетовых на козьем молоке — ягодный и с начинкой из козьего сыра и лавандовой глазурью, — пончик тирамису и один с кленовым беконом. Я равнодушен к кленовому бекону, но, если хотите, он ваш.

Я едва не расплакалась от радости, когда, открыв пакет, ощутила восхитительный аромат пончиков ручной работы и всего этого чудесного сахара. Томас хотел было что-то сказать, но я подняла руку и, сделав глоток кофе, вытащила фиолетовый пончик. Некоторое время мы оба ждали в благоговейном молчании, пока я откушу первый кусок.

— Спасибо. Невероятно вкусно, — наконец сумела произнести я, до конца просмаковав легкое, воздушное тесто, за чем последовало странное желание выкурить сигарету. Я встретилась взглядом с Томасом. — Пончик с кленовым беконом ваш, — сказала

я. — Но вам придется драться со мной за второй фиолетовый на козьем молоке.

— Нет, мэм, — сказал он. — Мне для работы нужны здоровые руки, так что берите все что хотите.

Откусив еще один кусок, я откинулась на спинку стула, сжимая в руках чашку кофе и ощущая себя абсурдно довольной.

— Вы прекрасно выглядите, — сказал он. — Материнство определено вам к лицу.

Услышь я это из уст любого другого мужчины, кроме моего мужа, я бы почувствовала себя некомфортно. Хотя я знала, что Томас интересовался мной до того, как Джек заявил о своих правах на меня, наши отношения теперь прочно оставались в зоне дружбы. Томас даже присутствовал на нашей свадьбе, и я пообещала — с благословения Джека — использовать свое шестое чувство, чтобы помочь ему в раскрытии какого-нибудь «висяка». Томас звонил несколько раз за последний год, но мне не хотелось нарушать домашний мир, за который я так боролась, и потому я говорила ему, что еще не готова. Интересно, означает ли эта услуга, что мне придется отвечать взаимностью, готова я к этому или нет.

Мои щеки вспыхнули.

— Спасибо. Теперь, когда близнецы спят всю ночь, я высыпаюсь и чувствую себя хорошо. Жаль только, что вся моя одежда подседа — я немного устала носить одежду для беременных.

Томас подавился кусочком пончика, и я тут же подала ему стакан с водой. Выждав целую минуту, Томас заговорил снова:

— У меня есть информация о Джейн Смит. Скажу честно, когда вы впервые назвали мне ее имя, я подумал, что это, должно быть, псевдоним, но, похоже, это ее настоящее имя, хотя, когда ей было чуть за двад-

цать, она добавила букву Y. В досье нет свидетельства о рождении, поскольку она была подброшена на ступеньки церкви в Бирмингеме и вскоре после этого передана в приемную семью. Должно быть, имя ей дали изобретательные творческие умы из службы опеки.

Он поморщился, а я была готова расплакаться. Появившись на первом месяце беременности, гормоны материнства, похоже, имели привычку задерживаться дольше положенных девяти месяцев. Вероятно, это они были повинны в том, что теперь во время рекламы Общества гуманного обращения с животными или же глядя на фотографии детей в Фейсбуке, которые мне любила подсовывать Нола, я хлюпала носом. Я подумала о женщине, которую встретила в своем офисе, и не смогла совместить то, что я знала о ней, с душераздирающим образом ребенка, оставленного на ступенях церкви.

— Это так печально. Значит, она понятия не имеет, кто ее родители? — Я откусила большой кусок фиолетового пончика из козьего молока в надежде, что он протолкнет комок в моем горле. Моя мать бросила меня, когда мне было шесть лет, и меня воспитывал отец-алкоголик. Все детство я ощущала себя брошенной, но, по крайней мере, я знала, кто мои родные, знала дом на Легар-стрит, где жили многие поколения семьи моей матери. И у меня всегда была бабушка, души во мне не чаявшая. Казалось непостижимым, что у кого-то нет истории, нет пролога к собственной жизни.

— Нет. Я также немного прозондировал прошлое Баттон Пинкни. Кто знает, вдруг у нее был ребенок, от которого она тайно отказалась? К счастью для нас, мисс Пинкни была активисткой в различных общественных организациях, поэтому в течение того года, когда родилась Джейн, ее фото почти каждый месяц

мелькали на страницах светской хроники — явно не беременной и без перерывов во времени. Кроме того, после долгой болезни и смерти племянницы она стала компаньонкой своей невестки и, по словам всех, кто знал Баттон, никогда ее не покидала.

— Значит, она просто щедрый филантроп, решивший отдать все свое состояние достойной сироте.

— По всей видимости. И Джейн, безусловно, подходит под это описание, учитывая, как она начинала. Просто невероятно, что в конце концов ее жизнь сложилась не так уж и плохо. Она была отличницей, никогда не попадала в дурные компании, и, хотя у нее была чередой приемных родителей, все они говорили о ней только хорошее.

— Но ее так и не удочерили.

Томас покачал головой.

— К сожалению, нет. Она несколько раз бывала близка к этому, но всякий раз удочерение срывалось.

— В документах указано почему? — Я сделала большой глоток кофе, не в силах выкинуть из головы образ маленького ребенка, лежащего на ступеньках церкви. Мне хотелось думать, что это потому, что теперь я стала матерью двух маленьких детей, которые нуждались во мне. Но было и еще что-то. Нечто такое, чего я не могла определить.

Томас встретился со мной взглядом.

— А вот здесь и правда становится интересно. Все приемные семьи вспоминали практически одно и то же: мол, она прекрасный ребенок, но в конце концов они отказывались ее удочерить, потому что... — Томас умолк и, открыв папку, пролистал несколько страниц и положил одну на самый верх, — «казалось, будто вокруг нее вечно что-то происходило». Вечные мелкие «неурядицы». — Томас изобразил пальцами небольшие кавычки, посмотрел на страницу и продол-

жил читать. — Ее никогда не называли в качестве непосредственной причины, но все события, казалось, происходили, когда она находилась поблизости, что делало ее виновной по умолчанию.

Я откинулась на спинку стула.

— Странно.

— Да. Есть еще одна вещь, которая, как мне кажется, может вас заинтересовать. — Томас умолк и забарабанил пальцами по папке, словно решая, сколько следует мне сказать.

— Рассказывайте все, — сказала я. — Если она будет присматривать за моими детьми, мне нужно все это знать.

— Верно. — Томас глубоко вздохнул. — Она боялась темноты. Когда она спала, в ее комнате обязательно горел свет.

— Многие дети боятся темноты. Может, она не переросла свой страх?

— По-видимому, нет, — сказал он после короткой паузы. — Мне прислали рекомендации от двух ее последних работодателей, и это упоминается и в одной, и в другой. Рекомендации, кстати, самые похвальные. Первый назвал ее Мэри Поппинс и даже подумывал, не завести ли еще одного ребенка, чтобы оставить ее в семье, так как другие дети были уже слишком взрослые и не нуждались в няне.

Я наострила уши.

— Главное, что она хорошая няня. Я не против, чтобы она всю ночь держала в своей комнате включенный свет. Это сущая мелочь. — Я задумчиво сделала большой глоток кофе. — Что-то более конкретное об этих «неурядицах»?

— Нет, но из того, что я выяснил, я понял, что у нее вечно все валялось из рук, она что-то роняла и ломала — лампы, посуду и тому подобное.

— Значит, она слегка неуклюжая, — констатировала я с облегчением. — Главное, конечно, чтобы она никогда не роняла ребенка.

— Ничего подобного. Как я уже сказал, все ее бывшие работодатели отзываются о ней самыми добрыми словами. Черт, прочтя все эти отчеты, я пожалел, что у меня нет детей, чтобы я мог ее нанять.

Томас потянулся к бумажнику, чтобы положить на стол щедрые чаевые, затем встал и отодвинул стул.

— Как обстоят дела на рынке недвижимости?

— Очень даже неплохо, на мое счастье, — ответила я, когда он помог мне надеть пальто. — Мне было легко вернуться на работу.

— То есть, чтобы помочь с «висяками», времени не остается?

Я на миг задумалась, вспоминая, как была счастлива в прошлом году, когда на меня из зеркала не смотрели духи. Никаких бестелесных стуков в мою дверь.

— Насколько давними? — спросила я.

— Двадцать лет. Была убита девятнадцатилетняя студентка Чарльстонского колледжа, и дело так и осталось нераскрытым. Ее сестра недавно нашла нечто такое, что вынудило ее возобновить расследование.

Вопреки моему сопротивлению, любопытство взяло верх.

— Что именно она нашла?

— Половинку золотого амулета, вроде тех старых кулонов «Друзья навеки», где каждый получает половинку кулона. Вот только на этой была первая буква названия женского общества, в которое входила ее покойная сестра, и на второй половинке, похоже, были другие греческие буквы. Возможно, составляющие имя другого братства или женского общества с такой же буквой, но другая половинка отсутствует.

— Почему сестра думает, что это важно?

— Потому что она никогда раньше не видела эту вещицу. Она переехала в родительский дом и нашла на чердаке сундучок своей сестры, тот, который на момент смерти находился в ее комнате в общежитии. Его ни разу не открывали с тех пор, как привезли домой. Женщина нашла амулет на самом дне, вместе со сломанной цепочкой. Она уверена, что он не принадлежал ее сестре и может стать для нас зацепкой, которая поможет разгадать загадку ее смерти.

— Даже я бы сказала, что это маловероятно.

Ничего не говоря, Томас пристально смотрел на меня, как будто ждал, что я заполню пробелы.

— Если только кто-то не сможет поговорить с мертвой девушкой, — медленно добавила я.

— Да, я подумал примерно то же самое.

Медленно натягивая перчатки, я посмотрела на свои руки.

— Я подумаю и дам вам знать. Жизнь сейчас довольно сумасшедшая. Возможно, после того, как я разберусь с этой няней.

— Я понимаю... спасибо вам.

— Спасибо, — сказала я в ответ, — за то, что вы так быстро все выяснили. Мы с Джеком это ценим.

— Все что угодно, всегда готов помочь, — сказал он, одарив меня такой обаятельной улыбкой, от которой, если бы не было Джека, мои колени превратились бы в желе.

Мы стояли возле кофейни на Кинг-стрит.

— Куда вам нужно? Может, вас подвезти? — спросил Томас.

— Буду признательна, если вы отвезете меня к моей машине на Трэдд-стрит. Я еду на встречу с Софи и Джейн в дом Пинкни. Джейн получила его

в наследство и хочет продать. Она совершенно не заинтересована в этом доме.

Томас приподнял брови.

— Это будет не первый случай, когда незнакомец завещает ничего не подозревающему другому незнакомцу разорительную недвижимую, — сказала я. — Продажа нежелательного наследства — это лучший вариант.

— Да, но все же. Не такой уж он разорительный. Этот дом, должно быть, стоит...

— Кучу денег. Я еще не видела его внутри, но, похоже, его придется полностью выпотрошить. — Я прищурилась. — Что-то не так?

— Я должен спросить своего отца, но в конце семидесятых или в начале восьмидесятых, когда он еще был полицейским, в этом доме произошло что-то нехорошее. Я был еще мальчишкой, но я запомнил это, потому что отец был изрядно потрясен, а он не из тех, кого можно легко прошибить.

— Я попрошу Джека провести небольшое исследование. Мне нужно все знать для полноты информации, если Джейн все-таки захочет продать дом после того, как побывает внутри.

— Она хочет продать его, хотя даже еще толком не видела?

Я выдержала паузу.

— Она ненавидит старые дома.

Томас вопросительно уставился на меня.

— Такое бывает, — сказала я, устав оправдывать эту совершенно рациональную точку зрения, которую я некогда разделяла по личным, а не по профессиональным причинам. — Вы удивитесь, узнав, сколько людей хотят приобрести дома, построенные исключительно в последнее десятилетие. Большинство боятся, что ремонт дома и поддержание его в до-

стойном состоянии обойдется им в приличную сумму. Джейн — одинокая женщина и, вероятно, просто не хочет взваливать на себя такую ношу, и я не виню ее. Если я хорошо сделаю свою работу, то на ту сумму, которую она выручит за дом Пинкни, она сможет найти что-нибудь красивое и новенькое на острове Пальм или на Дэниел-Айленд.

Томас проводил меня до своей машины и, галантно приоткрыв пассажирскую дверь, закрыл ее за мной. Затем сел за руль, пристегнул ремень безопасности и какое-то время молча сидел, глядя вперед.

— Что такое? — спросила я.

— Вы в детстве боялись темноты?

Я повернулась, чтобы посмотреть в боковое окно, и увидела женщину в белых брюках, кроссовках и с поясной сумкой. Не обращая внимания на машины, она стояла посреди улицы и фотографировала Кинг-стрит.

— Боялась. По крайней мере, пока от меня не ушла мать. Именно тогда я поняла, что настоящая жизнь намного страшнее того, что может скрываться в темноте.

Томас сочувственно кивнул и запустил двигатель.

— Я тоже боялся, но лишь потому, что допоздна не ложился спать, подслушивая, как отец рассказывал маме о каком-нибудь из своих дел. Этого бывало достаточно, чтобы детское воображение разыгралось. — Томас стиснул зубы. — Интересно, что может так напугать человека, что он, даже став взрослым, все еще боится темноты?

— Вероятно, это как-то связано с тем, что в детстве от тебя отказались. Говорят, будто некоторые травмирующие события остаются с нами навсегда, независимо от того, в сколь юном возрасте они с нами произошли.

Томас повернул руль и отъехал от тротуара.

— Да. Наверное, так и есть. Бедный ребенок.

— Бедный ребенок, — повторила я и снова отвернулась, смущенная тем, что мои глаза наполнились слезами. Мне вспомнился момент, когда я поняла, что моя мать не вернется, и как я тогда пообещала себе, что никогда больше не буду бояться темноты.

Глава 5

Я прибыла к дому Пинкни на Саут-Бэттери после Джейн, чего я всегда старалась не делать, впервые показывая клиенту дом. Я предпочитала заранее тщательно продумать, что они увидят в первый момент и что бросится им в глаза. Это должны быть исключительно положительные качества, чтобы они не заметили трещин на потолке или гнилых оконных рам. Пусть это случится позже, после того, как они полюбят старый дом и будут готовы восстановить древнюю грудку древесины, не задумываясь о долговой яме, в которую они собрались шагнуть.

Я приехала на машине и, минут пятнадцать покружив по близлежащим улицам, нашла место для парковки в четырех кварталах от дома. Джейн наверняка пришла пешком, так как была в балетках, а ее лицо выглядело разгоряченным. Концы ее светлых волос, собранных в низкий хвост, выглядели как потрепанная веревка. Проковыляв на каблуках четыре квартала, я поняла, что выгляжу не намного лучше.

Джейн стояла на тротуаре спиной к дому — руки скрещены на груди, кулаки сжаты. Я прищурилась — мои очки, как обычно, остались лежать на столе, —

полагая, что Джейн улыбается мне, пока не подошла достаточно близко, чтобы четко ее увидеть. Хмурый взгляд и крепко стиснутые зубы, как у узника, идущего на эшафот.

— Доброе утро, Джейн, — весело сказала я. Было трудно разобрать слова, выдавленные из-за ее стиснутых зубов, но я почти не сомневалась, что она сказала «доброе утро».

— Доктор Уоллен-Араси должна быть здесь с минуты на минуту, — сказала я, нащупывая в сумочке ключ. — Она всегда опаздывает на пару-тройку минут. Если хотите, мы можем подождать ее снаружи, чтобы она рассказала нам немного об архитектуре и истории дома, или же можем пройти внутрь...

— Я подожду снаружи. — В глазах Джейн промелькнуло отчаяние. Она глубоко вздохнула, медленно выдохнула и заговорила снова. — Вы, наверное, задаетесь вопросом, почему я так не люблю старые дома. Я несколько лет, с девяти до четырнадцати, жила в старом доме. В приемной семье. По словам приемных родителей, это был коттедж тридцатых годов в стиле крафтсман, который они отреставрировали своими руками.

— Симпатичный дом?

Джейн посмотрела на меня. Взгляд ее был печален.

— Наверно, да. Но я ненавидела его. Я ненавидела скрип деревянных полов, завывание ветра на чердаке. Но больше всего я ненавидела парадную лестницу с толстой дубовой балюстрадой. Они так ею гордились, этой балюстрадой. Они нашли ее в сарае и отремонтировали, чтобы она выглядела как новая. Даже заплатили плотнику, и тот воссоздал отсутствующие и заменил поврежденные балясины так, что новые невозможно было отличить от старых. —

Она оглянулась, посмотрела через улицу в сторону реки. — Но все равно это была все та же старая балюстрада. Я всегда думала, что из нее получится хорошая растопка.

Я вспомнила, как я в собственном доме шлифовала наждаком замысловатую балюстраду из красного дерева и как тогда меня посещала та же мысль.

— Хорошо, — сказала я, делая мысленные пометки, чтобы расшифровать их позже. — В вашем будущем доме никакого стиля крафтсман, никаких скрипящих полов, никакого ветра на чердаке.

— Просто новый, — сказала Джейн, оборачиваясь, чтобы заглянуть в причудливую садовую калитку, работы — я в этом почти не сомневалась — знаменитого кузнеца Филипа Симмонса. — И не рядом с больницей.

— Из-за воя сирен?

Джейн ответила не сразу.

— Да. Сирены, — кивнула она. — Они мешают спать по ночам.

Я собиралась задать другой вопрос, но тут у тротуара появился белый «Приус» Софи и ловко занял освободившееся место. Они с Джеком кудесники по части парковки, чего я им до сих пор еще не простила.

Я с ужасом и улыбкой смотрела, как Софи вышла из машины, с ног до головы облаченная в разные оттенки зеленого. Даже непослушные темные кудри были убраны под эластичную повязку цвета лайма. На ногах были вездесущие «биркенстоки», правда, на сей раз из зеленой лакированной кожи, и даже носки следовали общей зеленой гамме ее наряда.

— Надеюсь, ты отправишь Скай ко мне, когда она повзрослеет настолько, чтобы узнать о моде и правильном подборе цвета и узоров.

Софи расплылась в улыбке.

— Только если ты прийдешь ко мне Сару и Джей-Джея, когда прооперируешь свои стопы после травм, которые им наносит твоя обувь.

— С моими ногами все в порядке... — начала было я, но Джейн не дала мне договорить, шагнув вперед с протянутой для рукопожатия рукой.

— Вы, должно быть, доктор Уоллен-Араси. Я Джейн Смит, и я ценю, что вы согласились прийти сегодня.

Софи энергично потрясла ее руку.

— Пожалуйста, зовите меня Софи. Меня так все зовут.

— Кстати, — сказала Джейн, — мне нравятся ваши туфли. Первый раз вижу лакированную кожу на «биркенстоках».

— Напомните мне позже, и я напишу название магазина.

Я с облегчением увидела, как в глазах Джейн промелькнула паника.

— Не волнуйтесь, — сказала я. — Она годами угрожает сказать мне, где покупает эти ботинки, но так еще и не убедила меня перейти на темную сторону.

Я не видела реакции Джейн, потому что смотрела на Софи, а та, в свою очередь, нахмурив брови, смотрела на Джейн.

— Мы раньше не встречались? Ваше лицо мне смутно знакомо.

— Нет, я почти уверена, что нет. Но я слышу этот вопрос постоянно. Наверно, у меня такое лицо.

— Да, наверно. — Софи улыбнулась, затем повернулась к своей машине и вытащила с пассажирского сиденья сложенный кусок ткани. — Я привезла подарок на новоселье. — Она развернула ткань и подняла ее. — Это антикрузизный флаг. Каждый домовладелец в Чарльстоне должен выставить такой в знак протеста.

Я вздохнула.

— Джейн приехала недавно. Пусть сначала она освоится, а потом уже займет позицию по такой спорной теме, хорошо? — Я взяла флаг, снова свернула его и положила обратно в машину Софи.

Сердито посмотрев на меня, Софи вновь сосредоточила внимание на доме и даже вздохнула, как будто только что стала свидетельницей чуда.

— Итак, это ваше наследство.

— На бумаге, — сказала Джейн. — Я владею им, но только временно.

— Я уверена, что вы передумаете, как только увидите, какой это на самом деле архитектурный шедевр. С момента постройки им владели всего две семьи. Я ни разу не имела удовольствия побывать внутри, так что это настоящая удача. — Софи отступила, чтобы лучше рассмотреть фасад. — Для неподготовленного взгляда это просто типичный дом из кипариса и сосны на крепком кирпичном фундаменте. Но, если присмотреться к нему внимательнее, вы увидите, что его георгианская простота облагорожена декоративными элементами фасада, такими как зубцы по верху карнизов, узор в виде бычьего глаза вдоль всего фронтона и портик с колоннами. Это просто прелесть.

Интересно, у меня такой же остекленевший взгляд, как и у Джейн?

— Сколько ему лет? — спросила Джейн.

— Точно не скажу, но определенно он был построен до Войны за независимость. — Софи направилась к двойной лестнице под портиком, что вела от тротуара к входной двери. — Одна из моих студенток несколько лет назад включила этот дом в свою диссертацию. В нем очень интересная система звонков, основанная на колокольчиках разного тона для каждой комнаты. Одной из целей собеседования при найме новых слуг была проверка у них музыкального слу-

ха, чтобы они понимали, где они нужны. Думаю, колокольчики все еще в доме, хотя сомневаюсь, что они исправны. Но ведь это часть истории!

Мы с Джейн переглянулись за спиной Софи.

Между железных прутьев не без труда протиснулся очень толстый черный кот. Пропихнув свою упитанную заднюю половину, он плюхнулся на тротуар и уставился на нас одним темно-зеленым глазом. Другая его глазница была прикрыта розовой кожей без шерсти. Безразлично зевнув, кот вразвалочку прошествовал к другой стороне лестницы, где исчез.

— Надеюсь, в доме нет кошек. У меня аллергия, — объяснила Джейн.

— Почему вы это сказали? — спросила Софи с верхней ступеньки лестницы.

— Разве ты не видела, что из сада вышел большущий черный кот? — спросила я. — Такой огромный, что, похоже, его кто-то очень балует.

Софи пожала плечами.

— Либо балует, либо там много грызунов, и ему есть чем заняться.

Я послала ей испепеляющий взгляд, но она уже изучала лепнину на капителях двух колонн портика. Я уже начала подниматься по ступеням, как вдруг поняла, что Джейн позади меня нет. Я отомкнула замок и распахнула входную дверь. В ноздри тотчас ударил знакомый запах пыли, нафталиновых шариков и полироли. И что-то еще. Нечто такое, чего я не могла определить, что пахло лекарством и заставило меня вспомнить мою бабушку.

Я заглянула в фойе с высокими потолками, затем мой взгляд скользнул мимо унылых сосновых полов в парадную гостиную. Высокие потолки. Тяжелые карнизы с орнаментом в виде свадебных тортов. Отсутствующие куски напоминали зубы, вырезанные на